

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

УДК 811.161.1'37

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ НЕГАТИВНЫХ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ В МУЖСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

А.Ю. Бабкина

Аннотация

Статья посвящена изучению семантических особенностей наименований негативных чувств и эмоций человека на примере художественных произведений Михаила Шишкина и Петра Алешковского, в которых выявляются как конвенциональные семантические особенности наименований **горе** и **грусть**, так и окказиональные употребления, представляющие особый интерес для изучения мужской картины мира.

В статье выдвинута гипотеза о том, что разграничение наименований чувств и эмоций проявляется не только в кодифицированном языке, но и в языке художественной литературы.

Изучение слов, называющих *чувства* и *эмоции* человека, является частью интенсивно развивающегося направления – когнитивной лингвистики, решающей проблемы языковой картины мира, языковой картины мира личности, авторской картины мира.

Несмотря на обилие лингвистических и психолингвистических исследований в данной области, специальных работ, посвященных конкретному изучению наименований *чувств* и *эмоций* человека, практически нет. Кроме того, необходимо отметить лишь незначительное количество работ, посвященных анализу как лексики, обозначающей *чувства*, так и лексики, обозначающей *эмоции*.

В ряде имеющихся исследований происходит смешение терминов «*чувство*» и «*эмоция*» при их синонимическом употреблении [1]. Кроме того, многие ученые неправомерно относят наименования *чувств* и *эмоций* к эмотивной лексике [2]. Как известно, в психологии происходит разграничение терминов «*чувство*» и «*эмоция*» [3–4], хотя универсального определения содержания терминов, к сожалению, пока еще не выработано.

Наибольшее внимание в имеющейся лингвистической литературе традиционно уделяется изолированному изучению функциональных и семантических особенностей слов, обозначающих, с одной стороны, *эмоции* и, с другой – *чувства*. В то же время данные понятия тесно взаимосвязанны. Наибольший же

интерес представляет выявление особенностей и закономерностей в соотношении наименований чувств и эмоций в языке и мышлении человека.

На основании исследования практического материала можно выдвинуть гипотезу о том, что **горе** и **грусть** связаны сложными взаимоотношениями и представляют собой противопоставление лексем, обозначающих негативное чувство и негативную эмоцию (**горе** – **грусть**).

Семантические особенности наименований *горе* и *грусть* особенно ярко представлены в художественных текстах. Примером тому может служить их употребление в произведениях Михаила Шишкина (М.Ш.) [5], Петра Аleshковского (П.А.) [6–7].

Наименование **горе** предстает в произведениях мужской прозы как наименование *чувства*. Об этом свидетельствует выбор сочетаемости наименования с такими лексемами, как *умереть от горя*, *хлебать (хлебнуть) горя*, *утешение в горе*, *невыносимое горе разлуки*. Например:

Родители в отчаянии стали упрекать Святого Николая, что он не помог уберечь дитя, потом опомнились и стали умолять о прощении и *утешении их в горе* (М.Ш.).

В данном контексте речь идет о *чувстве*, вызванном утратой ребенка, чувстве безвременной потери, отчаяния, *чувстве*, утешить в котором может только Бог.

В некоторых контекстах из художественных произведений мужской прозы в лексеме **горе** актуализируется сема «событие». В предыдущих исследованиях [8] было доказано, что данная сема является частью семантической структуры наименований *чувств*. Например:

1. **Горе** свое он доложил, как рапорт на вечерней поверке (П.А.).

2. Сказал, что пережитое очищает душу, а осиленное **горе** закаляет ее, что истины не узришь, а ослепнуть — ослепнешь, что люди хотят друг другу добра и не умеют (М.Ш.).

3. Еще она мне сказала: «У тебя есть талант, деточка! Но этого мало. И трудолюбия мало. И любви к театру тоже мало. Всего мало! Нужно, чтобы **горе** постучало в твою дверь — нужно все пережить и все узнать — и то, что не нужно знать, — тоже». Зачем мне **горе**? Не хочу никакого **горя**! (М.Ш.)

В первом контексте персонаж сообщает о страшном событии, которое произошло в его жизни, — смерти матери. Выбор языковых средств, речевого жанра («доложил, как рапорт на вечерней поверке») отражает желание персонажа попытаться скрыть от окружающих глубокое *чувство* – **горе**.

Во втором контексте речь идет о том, что пережитое событие закаляет душу. Употребление здесь лексемы **душа** выразительно свидетельствует о том, что наименование **горе** является обозначением *чувства*.

В третьем контексте подчеркивается, что **горе** является событием, которое необходимо пережить, чтобы стать настоящей артисткой театра.

В произведениях мужской прозы были обнаружены примеры таких градаций, которые являются более сложными, чем в произведениях женской прозы [9]:

Умершему на тех страницах доставалась любовь, а толмачу – **обида, горечь, озлобление** (М.Ш.).

В данном случае автор переходит от описания внешнего воздействия на душу человека (**обида**) к характеристике внутреннего, глубокого чувства (**горе**), а затем вновь к внешнему – проявлению *чувства* в эмоции (**озлобление**).

Таким образом, можно утверждать, что **горе** предстает в мужской картине мира как наименование *чувства*.

Осмысление содержания понятия **грусть** в мужской картине, представленной в художественных текстах, происходит в двух основных направлениях.

С одной стороны, наименование **грусть** употребляется для обозначения внешнего проявления *чувства*, характеризующего состояние одного персонажа другими персонажами по чисто внешним признакам:

Приходил Ваня Делазари, **грустный**. Проигрался в Сплендид-Паласе. Занял денег (М.Ш.).

Кроме того, в мужской прозе наименования **грусть, грустный** используются для характеристики голоса, интонации персонажа, и это лишний раз свидетельствует о том, что **грусть** является обозначением *эмоции*.

– Нам с тобой, друг мой, на этом свете вдвоем не жить, – не без трансцендентной **грусти** заметил капитан, связывая мне руки за спиной (М.Ш.).

– Я люблю наблюдать за птицами, – **грустно** сказал адвокат (М.Ш.)

Особый интерес представляет окказиональное употребление в художественных произведениях лексемы **грустный** для характеристики запахов.

Воздух впитал в себя запахи пряные и едкие, резкие и восхитительно срамные, и нежные, и **грустные**, и ликующие, соленые и сладкие (П.А.).

В приведенном контексте важно, что прилагательное **грустные** дается в целом потоке определений, каждое из которых так или иначе связано с ощущением мира запахов: на вкус – *сладкие* или *соленые, пряные* или *едкие*, по степени проявления – *резкие* или *нежные*, по эмоциональной окраске – *грустные* или *ликующие*.

Оригинальным является словоупотребление лексемы **грусть**, когда героиня сама оценивает свои *эмоции*, глядя в зеркало. При описании *эмоции* выбор падает именно на слово **грусть**, подходящее для характеристики внешнего проявления *чувств*.

<...> подхожу к зеркалу <...> я помещаюсь в нем вся и подолгу разглядываю себя, как бы со стороны. Тогда я кажусь себе красавицей, этакой умиротворенной матроной в ожидании таинства. Это я и уже – не я, а я и ты, горошинка. А когда скучно и **грустно** – я себе ужасно не нравлюсь! (М.Ш.)

Своеобразие употребления наименования **грусть** подтверждают данные эксперимента: в сознании носителей языка все негативное, или «непозитивное», как правило, сохраняется дольше, обретая тем самым качество длительности и закреплённости. Понятие, называющее *эмоцию*, становится близким наименованиям *чувств*:

1. На душе очень **грустно**. Все время думала об Алексее. Он подружился с Сашей и иногда заходит к нам, но на меня не обращает никакого внимания. Я на него тоже. Он то ли застенчивый, то ли скучный. Скорее второе (М.Ш.).

2. Я считала дни, понимая, что скоро «хлопковый месяц» закончится и начнется школа. Становилось по-настоящему **грустно** (П.А.).

Следует обратить внимание на следующий немаловажный факт: в стремлении обозначить лексемой **грусть** внутреннее, душевное состояние авторы вынуждены прибегать к наречиям меры и степени проявления признака: *очень, по-настоящему*. Это свидетельствует о том, что сама по себе лексема **грусть** не предназначена для характеристики глубокого внутреннего переживания, *чувства*, а использование ее в таком качестве требует дополнительных уточнений.

Свидетельством особого отношения к негативным *эмоциям* в русском языке становится и окказиональное употребление наименования **грусть** (субstantива **грустное**) в значении «вещь, нечто», а также в значении «событие», свойственном в подавляющем большинстве случаев лишь лексемам, называющим *чувства*:

Не будем о **грустном**, давайте пировать. И мы пировали, и смеялись, он не меньше меня, что-то вспоминали, перебивая друг друга (П.А.).

В данном контексте обращает на себя внимание устойчивость сочетания «не будем о грустном», что делает затруднительным определение отношения лексемы **грусть** к наименованиям *чувств* или *эмоций*:

Ей по сцене нужно было заплакать. Она попыталась вспомнить что-нибудь **грустное** (М.Ш.).

Следует отметить, что частотность подобных контекстов в мужской прозе ниже, чем контекстов, в которых лексема **грусть** однозначно является обозначением *эмоции*.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно утверждать, что слово **горе** на уровне сочетаемости оказывается наименованием чувства. Именно **горе** связано как контекстуально, так и ментально с представлением о душе. Данное наименование используется для описания глубокого *чувства*, противопоставленного любым эмоциональным проявлениям. Семантическая структура лексемы **горе** характеризуется наличием семы событие, характерной для слов, называющих *чувства*.

Слово **грусть** используется авторами для описания внешнего проявления *чувства*, то есть *эмоции*. Лексема **грустный** служит для описания внешнего облика персонажей. Кроме того, наряду с наименованиями **грустный**, **грустно** употребляются наречия меры и степени, указывающие на проявления признака: *очень, по-настоящему*, что лишней раз доказывает принадлежность лексемы **грусть** к наименованиям *эмоций*.

Таким образом, материал художественных произведений мужской прозы дает основания утверждать, что лексемы *горе* и *грусть* противопоставлены в рамках мужской картины мира как наименование *чувства* (**горе**) и *эмоции* (**грусть**).

Summary

A.Yu. Babkina. Semantic Specifics of the Words Naming Negative Feelings and Emotions in the Man Worldview.

The article reviews the semantics of the words naming negative feelings and emotions. The fiction texts by Mikhail Shishkin and Petr Aleshkovsky were chosen as one of the objects of the study.

The material studied provides the examples of occasional usage and understanding of the words. The analysis of contextual semantics of these words allows making conclusions about the specifics of the man worldview. A hypothesis is put forward that differences between the feelings and emotions are reflected on all language levels.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. – М.: Рус. словари, 1997. – 411 с.
2. *Галкина-Федорук Е.М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию. – М., 1958. – С. 103–124.
3. *Немов Р.С.* Психология: в 3 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. – М.: Просвещение; ВЛАДОС, 1995. – 576 с.
4. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.
5. *Шишкин М.П.* Венерин волос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/4/shi2.html>, свободный.
6. *Алешковский П.* Рыба. История одной миграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2006/4/all.html>, свободный
7. *Алешковский П.* Седьмой чемоданчик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/1998/6/alesh.html>, свободный.
8. *Бабкина А.Ю.* Отражение семантических особенностей наименований чувств и эмоций человека в формировании оппозиций // Итоговая науч.-образоват. конф. студентов Казан. гос. ун-та 2006 года: Сб. ст. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – С. 85–86.
9. *Бабкина А.Ю., Балалыкина Э.А.* К вопросу о семантических особенностях наименований позитивных и негативных чувств и эмоций человека в женской языковой картине мира // Вестн. Чуваш. ун-та. Гуманит. науки. – 2007. – № 1. – С. 131–135.

Поступила в редакцию
21.11.07

Бабкина Александра Юрьевна – аспирант кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.